

Матвей Пеликанов

КЛАДБИЩЕ ЗВЁЗД

Матвей Пеликанов

Кладбище звёзд

<https://litres.ru/74013889>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новость об убийстве Михаила Круга переворачивает жизнь Лёни. Он твёрдо уверен, что ему необходимо ехать в Москву. Зачем именно – Лёня не знает, но его дар предвидения, хоть и странный, обычно не врёт.

В Москве Лёню ждут Останкино, некромантское телешоу «Кладбище звёзд», бандиты-оборотни, медведи с крепкими семейными принципами и ритуал, для которого нужны всего несколько капель крови и согласие потомка. И, конечно, ответ на самый важный для Лёни вопрос.

«Кладбище звёзд» – городское фэнтези в атмосфере начала нулевых: шансон, некромантия в прайм-тайме и старые долги, от которых нельзя скрыться.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4

14

Матвей Пеликанов

Кладбище звёзд

Лампы дневного света погасли, пахнувший порошком и холодной кровью цех затопила тьма, и сквозь неё мерцал синеватый огонёк спиртовки. Грег наклонился к пробирке, в его глазах засверкали голубые отблески, они светились даже ярче, чем спиртовое пламя. Невнятный гул заполз мне в уши, он становился всё громче, вытесняя сопение и шарканье бандитов. Мутный, шершавый, пронизывающий звук через уши пробрался в мозг, спустился по позвоночнику, сковал шею и вдруг ледяной иголочкой уколол в сердце. Я хотел прижать руки к груди, но шевельнуть ими не получилось — они безвольно висели, парализованные неестественным холодом.

Глаза Грега вспыхнули багровым светом, они стали размером с блюдца, и следом за ними пламя спиртовки побагровело, а кровь в пробирке призрачно замерцала. В темноте метались алые круги и спирали, вихри закручивались вокруг пробирки, и следом за ними кружились полупрозрачные фигуры, то ли человеческие, то ли звериные. Невыносимый гул пульсировал в ушах, и я едва заметил, как иголочка кольнула снова — раз, другой, а потом она ледяным гвоздём пронзи-

ла моё сердце. Время снаружи замерло, в голове же развернулась вереница событий, приведших меня на этот стул, к ножкам которого скотчем были примотаны мои ноги.

Это было первого июля. Я вернулся с тренировки, потому что, как говорил Иван Алексеич, пропускать тренировку — последнее дело, даже в такой день. Мама чистила картошку и смотрела ящик, как раз начинался повтор пятничного выпуска Кладбища звёзд. Под будоражащую мелодию скрипок и синтезаторов на экране среди чёрно-красных кругов и спиралей мелькали призрачные лица героев прошлых сезонов: Виктора Цоя и Олега Жукова, Игоря Талькова и Юрия Клиньских.

Вытряхнув из сумки форму, перчатки и боксёрки, я принялся укладывать вместо них всё, что могло мне понадобиться: три майки и три рубашки, три пары носков и три пары трусов, парадные брюки и пиджак, самую красивую алую бабочку и строгий чёрный галстук

— Ты куда собрался?

Мама стояла в дверях комнаты с ножом в руке. Мне пришлось осторожно подвинуть её, чтобы пройти в ванную за зубной щёткой, пастой и станком.

— Куда собрался, я спрашиваю?

— В Москву.

— снова приветствовать вас в нашей студии, — у Дмитрия Александровича Диброва в этот раз был атласный голу-

бой галстук, на полтона темнее рубашки. Я остановился и засмотрелся на экран нашего маленького кухонного телевизора.

— В какую ещё Москву? Совсем с ума сошёл?

— Мама, ради бога, не шумите, — я прижал палец к губам, глядя в экран.

— единственная попытка вернуть дух усопшего на эту землю, а дальше — смерть вторая и последняя, отдохновение для мятущихся душ

— Нет, ты объясни, — мама встала между мной и ящиком. — Зачем тебе в Москву?

— встречайте невероятного Грега! Грег Гробски, некромант-самородок, наша восхитительная звезда — под ваши аплодисменты

— Ну вот же, — я ткнул пальцем в экран. — Мне нужно в Останкино.

— Господи! А это-то ещё зачем?

— Мама, вы новости не видели? Ну переключите, — я прислушался к внутреннему сверблению, — на ОРТ переключите.

Мама поджала губы, но всё-таки щёлкнула пультом.

— стало известно о гибели известного российского исполнителя шансона Михаила Круга. По предварительным данным, прошлой ночью в его доме в Твери произошло вооружённое нападение. Неизвестные проникли в частный коттедж

— Опять ты со своими идеями! — мама всплеснула руками. — Сколько раз тебе повторять, а?

— Мама, переключите обратно, — я поморщился. — Если б вы могли мне сказать, кто мой отец, никаких идей бы не было. Садитесь смотреть Кладбище, мне нужно собираться и ехать.

— Ещё чего! Никуда ты не поедешь.

Я не стал отвечать и вернулся в комнату. Из нижнего ящика стола я достал отложенные деньги и попробовал их пересчитать. На четырёхстах я сбился, но на билет, кажется, должно было хватить. Деньги я положил во внутренний карман пиджака, к паспорту и телефонной карте.

— Лёня, я тебе запрещаю! Слышишь ты меня?

— Мама, вы не можете ничего мне запретить. Я, в конце концов, взрослый дееспособный человек.

— Уж такой дееспособный, сил нет, — мама упёрла руки в бока. — Ты можешь мне объяснить, что тебе в голову взбрело?

— Засвербило, — ответил я. — Я знаю, что мне нужно ехать И что это связано с моим отцом.

— Ах, знаешь, — мама устало опустила на банкетку в прихожей. — Вот бы ты так же ответы на экзаменах знал Пошёл бы в институт, стал бы аналитиком. А то ведь впустую пропадает твой дар!

— Мама, — я сел рядом с мамой на банкетку. — Вы же знаете, что это так не работает. Ну не умею я решать задачки,

и никакой дар тут не поможет. А на финансового аналитика нужно сдавать математику. И вы сами говорили, что сантехник — профессия достойная

— Достойная, конечно, — мама украдкой утёрла глаза. — Но у тебя ведь дар есть. А с даром предвидения — все говорят, прямая дорога в аналитики

— Прямая дорога — не всегда верная, — веско сказал я, поднимаясь с банкетки. — Ладно, мама, не плачьте, мне надо собираться.

— Ох, дай хоть картошки тебе в дорогу сварю, — засуетилась мама.

— Да какая картошка, мама, некогда уже! — я аккуратно застегнул молнию гитарного чехла. — Мне на вокзал пора.

— Ну хотя бы бутербродики сделаю. Лёночка, ну что ты! Ну пять минут подожди, а то оголодаешь ведь в дороге

Билетов в плацкарт на ближайший поезд уже не было. Кассирша предложила мне подождать до утра, но свербление внутри подсказывало, что ждать нельзя. Пришлось выложить двести восемьдесят рублей за место в купе. В ожидании сквозного поезда из Минска я прохаживался по перрону Смоленска-Центрального, пропахшему креозотом и сигаретным дымом. Сумка через левое плечо, гитара в чехле за правым, свежая рубашка с расстёгнутой верхней пуговкой и лёгкий серый пиджак Я глянул на своё отражение в окне стоявшего поезда на Минск. Новые очки с прямоугольными

стёклами — без диоптрий, для красоты, аккуратная стрижка и усы, широкое мягкое лицо. Иван Алексеич говорил: Ни хрена себе ты, Лёнька, харю отъел, но говорил он это весело, не обидно. Вылитый Миша Круг — продолжал он, а мне того-то и надо было.

— Экий гусь важный! — хохотнул куривший под фонарём парень. — Бать, ты глянь

Отец парня только хмыкнул. Оба они были плотные, тяжёлые, с покатыми плечами, с густыми бурыми волосами (у отца — с проседью), не только на головах, но и на руках. Я прошёл мимо, как ни в чём не бывало.

— Слышь, гусь, дуй в Беларусь! — окликнул меня парень.

Я отошёл к следующему фонарю, прислонил к нему гитару и поставил сумку на асфальт рядом. Иван Алексеич часто говорил: В драке побеждает тот, кто в ней не участвует, делал паузу, а потом продолжал: Но это для слабаков, так что сначала в печень, потом хук.

На перроне бокс мне не понадобился, но, конечно же, эти двое оказались со мной в одном купе.

— О, и гусь тут! — осклабился парень, ввалившись в купе. — Слышь, гусь, ты это, не трусь, не тронем тебя.

— Толик, отстань от человека, — проворчал отец, протискиваясь следом за ним. — Добрый вечер, юноша.

— Здравствуйте, — вежливо ответил я, отодвигаясь к окну и перекладывая на столике свёрток с бутербродами.

Парень плюхнулся на полку рядом со мной, отец с кряхте-

нием сел напротив. Я обратил внимание на его пальцы, покрытые синими наколками.

— Ну, бать, давай, хлопнем за дорогу домой.

Рядом с моими бутербродами словно сами собой появились бутылка Гжелки, два стакана и разложенное на газете сало, густо обсыпанное перцем. Отец и сын влили в себя водку и принялись жевать сало. Купе наполнилось резкими и пряными запахами, смешанными с крепким ароматом пота.

— Хорошо пошла, — сын запрокинул голову и увидел лежащую на верхней полке гитару в чехле. — Слышь, гусь, а ты чё, лабаешь, что ли?

— Толик, что за манеры, ей-богу, — отец сморщился. — Молодой человек, вы извините его, он у меня безотцовщиной рос. Вас как зовут?

— Леонид, — степенно ответил я.

— Очень приятно, Леонид, — отец вытер пальцы о газету и протянул мне руку, — а я Михаил.

— Простите, а по отчеству вас как величать? — я пожал протянутую руку.

— Фёдорыч, Михал Фёдорыч. Леонид, позвольте перефразировать вопрос моего сына — вы играете? Вы музыкант?

— Любитель.

— Это здорово. Хорошо, когда у человека есть осмысленное хобби

— Бать, давай по второй, — Толик снова разлил водку по

стаканам, — сам знаешь, перерывчик небольшой.

Толик и Михал Фёдорыч снова выпили и закусили.

— Ух! — Толик встряхнул косматой головой. — Слышь, Лёнька, а слабай нам? Давай, чё ты сиськи мнёшь

Михал Фёдорыч вдруг перегнулся через столик и отвесил сыну тяжеленную оплеуху, такую, что голова Толика мотнулась, едва не въехав лбом мне в висок.

— Щенок! — прорычал отец. — От рук отбился! Как с людьми разговариваешь!..

Толик неожиданно тонко заскулил и съёжился. Отец уставился на него налившимися кровью глазами. Я замер — гнев Михал Фёдорыча был намного страшнее, чем подколки Толика. Пару секунд в купе висела тишина, а потом всё в миг стало как раньше. Михал Фёдорыч спокойно откинулся назад, Толик, как ни в чём не бывало, снова разливал водку.

— Леонид, я ещё раз прошу прощения, — мягким ворчливым голосом произнёс Михал Фёдорыч, — но я присоединяюсь к столь неловко выраженному вопросу моего сына. Не хотите ли вы нам сыграть?

Настоящий артист никогда не откажется исполнить, если не задета его честь. Я прислушался к себе. Конечно, приставания Толика задели меня, но обходительность Михал Фёдорыча уравнивала это.

— Почту за честь, — ответил я и повернулся к Толику. — Достаньте, пожалуйста, мою гитару.

Толик недовольно закричал, но поднялся на ноги и до-

стал мой чехол с гитарой, а потом сел напротив, рядом с отцом. Я вынул гитару из чехла и принялся настраивать её.

— Леонид, а что вы играете? — поинтересовался Михал Фёдорыч.

— Сейчас услышите, — ответил я и осторожно взял аккорд.

Михал Фёдорыч с интересом поднял брови, Толик хмыкнул. Я глубоко вдохнул и ударил по струнам. Слушатели переглянулись, узнавая первые аккорды, а я фальцетом, подражая голосу Виктории Юрьевны Цыгановой, запел:

*Я закрою глаза, я забуду обиды,
Я прощу даже то, что не стоит прощать*

Толик прыснул со смеху, но Михал Фёдорыч саданул его локтём под рёбра, и Толику резко перестало хватать воздуха на смех. А я перешёл на свой нормальный, круговский голос:

*Приходите в мой дом, мои двери открыты -
Буду песни вам петь и вином угощать!*

Задышающийся Толик удивлённо расширил глаза, Михал Фёдорыч одобрительно кивнул. Так обычно и реагировала новая публика в трактире Фёдор Савельич, где я играл по выходным. Иногда, правда, подходили поинтересоваться, не под фонограмму ли я пою, а то ведь заявлялась живая му-

зыка — но я быстро убеждал публику, что никакого обмана нет, и я в самом деле пою голосом Михаила Круга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.